

Барышная Наталия Александровна

кандидат политических наук,
доцент кафедры государственного
управления и права
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Балаковский филиал
dom-hors@mail.ru

Baryshnaya Natalia Alexandrovna

PhD in Political Science,
Assistant Professor of
the State Administration and Law Department,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration,
branch in Balakovo
dom-hors@mail.ru

**ОТНОШЕНИЕ К РЕФЕРЕНТНЫМ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ
В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**ATTITUDE
TO THE REFERENCE
ETHNIC MINORITIES
IN THE SARATOV REGION
(ACCORDING TO THE SOCIAL
RESEARCH RESULTS)**

Аннотация:

Анализируется комплекс взаимоотношений между принимающим сообществом и отдельными группами миграционных сообществ. На основе проведенного социологического исследования формулируются основные проблемы межэтнического взаимодействия в регионе.

Ключевые слова:

этничность, этнический конфликт, толерантность, миграция, государственное управление, Саратовская область.

Summary:

The article deals with the complex relations between the host community and separate groups of migrating communities. Basing upon the undertaken social research the author states the principle problems of the interethnic interaction in the region.

Keywords:

ethnicity, ethnic conflict, tolerance, migration, public administration, Saratov region.

В современных условиях глобализации проблема взаимоотношений между принимающим сообществом и мигрантами становится с каждым годом все актуальнее. Политическая повестка дня, декларируемая на глобальном уровне, требует максимально толерантного восприятия происходящих демографических сдвигов в современном мире. С другой стороны, миграция и вызванный ею взрывной рост культурного (этнического) многообразия порождает серьезные противоречия в региональных и локальных сообществах.

Для анализа существующих тенденций в сфере межэтнического взаимодействия на региональном уровне нами был реализован исследовательский проект, направленный на исследования факторов, определяющих специфику регионального этнополитического пространства, на примере Саратовской области [1].

Для целей исследования были определены следующие референтные этнокультурные группы: приезжие из Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы и т.д.), представители Закавказья (азербайджанцы, армяне, грузины), Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы), ближнего пограничья (казахи), представители Юго-восточной Азии (китайцы, вьетнамцы). Также были введены группы – социальные маркеры (русские, цыгане).

Можно констатировать, что в обществе доминирует нейтрально-негативная оценка в отношении миграционных этнических групп. В более «успешном» виде представлены казахи. Это объясняется наличием значительного числа мест компактного проживания казахов на территории Саратовской области (в основном приграничные районы – Алгай, Дергачи, Озинки, и в меньшей степени Ершов). Причины неоднозначных оценок, на наш взгляд, кроются в следующем. Оценивая отношение к мигрантам в целом, менее половины респондентов согласились с формулировкой, что нет необходимости проводить активную миграционную политику по привлечению «новых граждан». По мнению респондентов оптимальной бы выглядела формула «не привлекать специально, но и не отказывать тем, кто уже приехал». Однако 40 % опрошенных считают, что лучше вообще не принимать мигрантов и выселить тех, кто уже приехал.

Столь высокий уровень мигрантофобии объясняется наличием устойчивых негативных стереотипов, широким распространением страхов «утраты собственной идентичности», потенциальными опасениями возможных конфликтов из-за имеющихся ресурсов (в том числе социального, политического и экономического капитала), возможным ростом конкуренции на рынке

труда (особенно в условиях нарастающего экономического кризиса и возможных сокращений на предприятиях области).

Негативные ожидания в отношении мигрантов, которые, как правило, являются представителями иных этнических групп, не могли не проецироваться на ожидания динамики межнациональных отношений в области. На вопрос: «Как Вы считаете, как будут изменяться межнациональные отношения в вашем районе?» – лишь 9 % отметило ожидание позитивных улучшений, 48 % отметило, что состояние межнациональных отношений не изменится, а 28 % респондентов ожидают ухудшения отношений. Таким образом, можно отметить, что негативные ожидания более чем в три раза превышают позитивные.

Рост негативных убеждений влечет за собой увеличение числа негативных стереотипов, что, в свою очередь, формирует повседневные практики, в том числе и дискриминационные в отношении этнических меньшинств. Рост социальной дистанции между принимающим населением и миграционными этническими сообществами отмечается нами по всей территории Саратовской области. Однако наибольший разрыв мы отмечаем в районах с большим удельным весом городского населения (Саратов, Балаково, Энгельс, Маркс, Вольск).

В целом по области лишь 16 % опрошенных отметили, что с представителями иных этнических групп можно общаться и даже создавать браки. При этом практически 30 % опрошенных отметили, что с представителями других национальностей «лучше не общаться / категорически никаких отношений».

Столь высокий уровень интолерантности, неприятия «иного», рост агрессивности по отношению к этническим мигрантам, на наш взгляд, имеет ряд объяснений. Во-первых, мы можем рассматривать происходящие процессы как компенсационные практики. В условиях снижения социального капитала большинства жителей области необходимо его увеличивать либо за счет роста доходов, роста самооценок, реального повышения качества жизни и т.д., либо за счет формирования новой шкалы социальных отношений, в которых «большинство» будет по-прежнему занимать доминирующую позицию и тем самым воспроизводить «естественную идентификацию». Для этого необходимо запустить механизмы понижающей идентификации у других социальных групп [2].

Во-вторых, наличием в общественном сознании идеологических рудиментов советского общества, образа жизни, дихотомии «старший брат – младшие братья», когда европейская часть России (Саратовская область в частности) мыслилась исключительно «русской» частью великой страны. Остальные территории (союзные национальные республики, автономные области и т.д.) воспринимались как технологически-сырьевой придаток. Перенос остатков имперского мировоззрения в XXI век, в условиях активного миграционного перемещения значительных масс людей, сформировал новую систему социальных отношений, тяготеющих к институционализации – «местные и чужие». При этом «чужие» всегда / почти всегда воспринимаются как что-то второстепенное, часто второсортное, не достойное включения в сложившееся социально-политическое и экономическое поле региона.

В-третьих, падением общекультурного уровня жителей области, допускающего возможность существования иных культур. Если в прошлом уделялось значительное внимание в системе школьного образования и воспитания изучению культур, входящих в состав СССР (как правило, в рамках уроков географии, истории и т.д.), то в настоящее время подобных знаний современная школа не предлагает. Появление новых культурных практик в повседневной жизни часто воспринимается людьми как угроза их собственной культурной идентичности, «размывание» основ традиционной культуры.

Формирование основы «бытового этнонационализма» начинается с неготовности совместного нахождения в едином символическом пространстве – отказ представителям этнокультурных меньшинств в возможности совместного (соседского) проживания (см. рисунок). Допущение смягчается лишь для групп достаточно «знакомых и близких» – казахи, русские, и резко ужесточается для «*потенциально социально-опасных групп*».

Следующим элементом, влияющим на социальную дистанцию между принимающим населением и миграционными этническими группами, является готовность принять брак своего ребенка с представителем этнокультурного меньшинства. Лишь 6–8 % респондентов позитивно относятся к *возможности* брака ребенка и представителя (представительницы) меньшинства. Подавляющее большинство (68–74 % респондентов) отрицательно воспринимают даже возможность подобной перспективы.

Однако столь радикальные оценки относятся лишь к зоне близкого / личного контакта, где реализуются идентификационные факторы влияющие на «безопасность» существующей индивидуальной идентичности. В зоне же, где реализуются групповые нормы и отношения, например в процессе совместной трудовой деятельности, картина межнациональных отношений выглядит более

благополучно. Более 44 % респондентов отметили, что наличие представителей других национальностей не мешает им выполнять свои служебные / рабочие функции. При этом 22 % опрошенных отметили желательность «близких» национальностей в процессе работы. Лишь 11 % респондентов отметили, что готовы работать только в мононациональном коллективе.

Здесь необходимо отметить следующее: в процессе обследований, мы не ставили себе целью выявить этнические структуры коллективов, где работают респонденты. Однако мы констатируем, что в настоящее время в области сформировался «расколотый рынок», при котором различные сегменты экономики заполнены более-менее однородными этническими группами. Сложилась своего рода «этническая специализация» различных экономических ниш. Мы не остаемся на структуре этнической экономики с ее [часто] неформальными практиками, что является отдельным фокусом исследований [3]. Отметим лишь, что проблемы этнизации экономики должны стать объектом пристального внимания ученых Саратовской области, также как и проблемы мест компактного переселения этнических групп.

Наличие моноэтнических поселений в Саратовской области, также как и формирование «этнических кварталов» в крупных городах области, способно являться дополнительным конфликтогенным фактором. В подобных местах формируется своя система социального контроля, отличная от существующих государственных систем, основанная на воспроизводстве традиционных отношений, присущих этнической группе. Фактически формируется, параллельная с официальной, система управления территориями, система контроля, надзора, система финансовых механизмов и инструментов.

Безусловно, столь серьезные отличия в формах социальной жизни, вызывают определенные напряженные отношения между основной частью населения и меньшинствами. Возникают локальные очаги напряженности, в основном в виде бытовых конфликтов, отдельных стычек, связанных с контролем над определенными ресурсами, территориями. Так, более 70 % опрошенных отметили, что в Саратовской области существуют межнациональные конфликты.

При этом лишь 3–6 % респондентов отметили, что сами были участником конфликта с представителями отдельных референтных групп. Подавляющая часть опрошенных отметили, что не были участниками конфликта, не слышали об этом. В среднем около 30 % респондентов были в той или иной мере свидетелями конфликтных ситуаций.

Лишь незначительная часть опрошенных (14 %) отметили, что испытывают на себе, в той или иной степени, враждебность со стороны людей других национальностей. Таким образом, фактический уровень этнофобии значительно ниже заявляемого респондентами. Наиболее высокий уровень индекса этнофобий зафиксирован в г. Саратове (более 22 % опрошенных отметили, что испытывают на себе враждебность). В то же время в районах имеющих значительное этнокультурное разнообразие (Озинки, Дергачи, Алгай) – уровень этнофобий практически равен нулю.

Соответственно, уровень индекса этнической агрессивности (доля респондентов, заявивших об испытываемой вражде к людям других национальностей) составил 13 %. Наибольшее число людей агрессивно настроенных по отношению к иным этническим группам зафиксировано в городах Саратове, Балаково, Балашове. Наименьший индекс этнической агрессивности отмечен также в культурно разнородных районах – Озинках, Алгае, Ершове.

Другим, не менее важным фактором, влияющим на динамику межэтнических отношений в области, является разница между социальными статусами местного населения и меньшинств [4]. Здесь мы исходим из того, что чем ближе оценки социальных статусов большинства и этнокультурных групп, тем более интегрированы / включены эти меньшинства в «тело» большинства, и тем менее напряженные отношения мы можем фиксировать между ними.

При этом, оценивая статус меньшинств по отношению к статусу большинства, мы исходим из того, что высокий статус, по сравнению со статусом большинства, это такой же конфликтогенный фактор, так как в этом случае начинает проявляться зависть, претензии к «захвату» ведущих социальных позиций и т.д., что стимулирует рост напряженности.

Анализ соотношения социального статуса большинства и этнокультурных меньшинств показывает, что наибольший разрыв в оценках социального статуса наблюдается в отношении выходцев из Средней Азии (таджиков, узбеков, киргизов). Наиболее интегрированы по данному показателю – казахи. Из числа представителей кавказских народов наиболее интегрированы – армяне, грузины. В более сложной ситуации – выходцы из республик Северного Кавказа.

Соответственно, при оценке степени интегрированности, необходимо учесть и такой фактор, как вклад в социально-экономическое развитие области (в широком смысле) отдельных социальных групп. Предполагается, что более высокий социальный статус какой-либо группы (или его близость к статусу большинства) есть проекция усилий этой группы по интеграции, которая в свою очередь большинством воспринимается как результат совместных усилий по повышению качества жизни населения в целом. Или иначе – чем более весомый вклад в развитие территории

делает та или иная этногруппа, тем с большей охотой ее причисляют к когорте «своих», полагая, что только «свои» могут целенаправленно развивать регион, в котором они проживают.

По мнению «большинства», наибольший вклад в социально-экономическое развитие Саратовской области вносят армяне, казахи, грузины. Наименьший вклад – цыгане, таджики, узбеки, киргизы. В целом, можно отметить, что русское большинство считает, что, помимо них, вклады остальных этногрупп незначительны. Это, в свою очередь, является фактором, «подпитывающим» чувство собственной значимости, «особости» и, в определенных ситуациях, позволяет большинству говорить с позиций доминирования и властных отношений.

Более того, доминирование в политической, социально-экономической и культурной сферах позволяет большинству декларировать неизбежность своих статусных позиций и незаменимость в процессе генезиса региона, воспринимая остальные этнокультурные группы лишь как сопровождающий фактор. Это же позволяет выстраивать этнонационалистические установки [5]. Так, более 20 % респондентов согласились с утверждением, что существуют избранные и малочисленные народы и культуры. Столь высокий уровень расистских оценок в отношении иных народов и культур показывает всю сложность происходящих процессов формирования российской идентичности. Сложность и опасность текущего положения заключается в том, что большинство жителей области, говоря о «единой российской нации», имплицитно говорят о *единообразной* национальной структуре, основанной исключительно на русской культуре [6]. В современных условиях во всех государствах «новой эпохи» признается множественная, не взаимоисключающая идентичность на уровне коллективных общностей и на уровне отдельной личности. Это ослабляет этнокультурные разделительные линии в рамках одного гражданства и способствует национальной консолидации, не говоря уже о том, что более адекватно отражается самосознание части населения, состоящего из потомков смешанных браков [7].

В этих условиях фактическое, а не декларируемое равноправие в экономической, социальной, культурной сферах, взаимное уважение и готовность к диалогу является основным условием гармоничного сосуществования различных этнических культур на территории Саратовской области.

Результаты обследования показывают, что в этом направлении существует проблемное поле, связанное с дисбалансом культурного и политического представительства.

Несмотря на значительное число национально-культурных объединений, зарегистрированных в Саратовской области, большинство из них выполняют скорее функцию представительства в разного рода общественных советах и комитетах, нежели действительно выполняют функцию представления интересов конкретных этнических сообществ. Для ряда лидеров НКА, деятельность по «представительству», есть де-факто «бизнес на этничности» и связан с получением разного рода преференций со стороны органов государственной власти [8]. Сложность ситуации усугубляется тем, что де-юре лидеры национально-культурных объединений (зарегистрированных и чаще всего сосредоточенных в областном центре) часто не являются легитимными выразителями интересов той или иной этнической группы (как правило, проживающей в других районах области), и в случае критических ситуаций (стычки, конфликт) не способны оказать существенного влияния на одну из сторон конфликта [9].

Таким образом, налицо серьезное противоречие между декларируемыми политическими артикуляциями и реальной социальной практикой. Основной задачей органов региональной власти и местного самоуправления (на местах) представляется, с одной стороны, признать существующий этносоциальный и этнополитический дисбаланс в отношении этнических миграционных сообществ и принимающего населения. А с другой – выработать формулу взаимодействия, направленную на взаимную интеграцию, при которой каждая из сторон, не теряя собственной этнокультурной идентичности, смогла бы отойти как от дискриминационных практик, так и от практик противодействия, минимизировав тем самым негативные последствия существующей межэтнической напряженности.

Ссылки и примечания:

1. Статья выполнена на материалах полевого исследования, проводимого в рамках гранта РГНФ № 12-33-01026 «Депривационный анализ факторов этносоциальной напряженности», руководитель проекта – К.С. Мокин. Исследования проводились в 13 районах Саратовской области в период с 01.12.2012 по 25.12.12. Выборка квотная, пропорциональная, репрезентативна по территории проживания, полу, возрасту и образованию. Всего опрошено 3 800 человек. Погрешность полученных данных не превышает 3 %. Опрос проводился по месту жительства респондентов методом формализованного интервью.
2. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 г. М., 2004.
3. Этничность и экономика: сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999) / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000. Труды. Вып. 8.
4. В данном случае, мы не акцентируем внимание на неоднозначности понятия «социальный статус» и его форм описания. Мы исходим из того, что в данном случае социальный статус этнической группы есть статус, приписыва-

емый доминирующим большинством меньшинству, и являющийся фактором, определяющим стратегии, структуру и формы межгруппового взаимодействия. Мы отдаем себе отчет, что приписываемый социальный статус может отличаться от «самоопределяемого» статуса. Однако мы исходим из аналогии с позицией Гоффмана: «Если мы неправильно определяем ситуацию, то ситуация определяет нас...». Иначе говоря, приписанный социальный статус является определяющим при конструировании процессов межгруппового взаимодействия.

5. Хотелось бы отметить, что существенное влияние на рост великодержавных и имперских настроений в современных условиях имеет Русская православная церковь, которая де-факто выступает в роли идеологического стержня современного политического общества и декларирует «особость» русской [православной] культуры.
6. Высказываемое в прессе и на телевидении некоторыми специалистами и политиками предложение утвердить в России понятие русской нации вместо российской и возратить дореволюционное, широкое понимание русских как всех, кто таковыми себя считает, реализовать на практике невозможно. Украинцы и белорусы уже не согласятся снова считать себя русскими, а татары и чеченцы себя таковыми никогда и не считали, но все вместе они и другие считают себя россиянами.
7. В России, по данным Всероссийской переписи населения 2002 года более трети населения – потомки смешанных браков. См.: Тишков В. Нация и национальная идентичность в России. Вестник российской нации. 2008. № 1. С. 120.
8. «Этническое предпринимательство», где этничность выступает «товаром» развито во многих регионах России, а также в других странах, особенно европейских. «Этнический предприниматель» – человек, извлекающий материальную (социальную, политическую) выгоду от представления интересов «этнической группы».
9. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.

References and notes:

1. The article is based on the data of the field research, undertaken with support of the grant from the Russian Humanities Research Foundation, project №12-33-01026 “Deprivation analysis of factors of the ethno-social strain”, Head of the project – K.S. Mokin. The research was carried out in the 13 districts of the Saratov region from 01.12.2012 until 25.12.2012. The sample is quota, proportional, and representative according to the residence territory, gender, age and level of education. There were polled 3,800 respondents; data error does not exceed 3%. The survey was carried out at the place of residence with application of the formalized interview.
2. Gudkov, L 2004, *Negative identity. Articles 1997-2002*, Moscow.
3. Brednikova, O, Voronkov, V & Chikadze, E (ed.) 2000, *Ethnicity and the Economy: Articles based on an international workshop (St. Petersburg, September 9-12, 1999)*, St. Petersburg, issue 8.
4. In this particular context, we do not consider diversity of the social status concept and its interpretations. We presume that in this case the social status of the ethnic group is a status ascribed by the dominating majority to the minority, and being a factor that determines strategies, structure and forms of the intergroup interaction. We aware that the ascribed social status may differ from the self-determined status. However, we draw an analogy with E. Goffman's stand: “If we fail to define the situation, it would determine us”. In other words, the ascribed social status is the determinant in development of the intergroup interaction processes.
5. It should be mentioned that currently the Russian Orthodox Church has an essential impact on the growth of the great-power and imperial sentiments. De facto it plays role of the ideological pivot of the contemporary political society and declares special nature of the Russian (Orthodox) culture.
6. Some experts and politicians express in mass media a suggestion to approve the term ‘Russian nation’ instead of ‘nation (citizen) of Russia’ and restore the pre-revolutionary, broad conception of the Russians as those, who consider themselves as the ones, but to implement such a proposition is impossible. The Ukrainians and Belarusians would no longer agree to consider themselves as Russians, and the Tatars and Chechens never considered themselves as the ones, but either of them consider themselves to be citizens of Russia.
7. See: Tishkov, V 2008, *Nation and National Identity in Russia. Bulletin of the Russian nation*, no. 1, p. 120.
8. According to the All-Russian census of 2002 more than a third of population in Russia are the descendants of the heterogeneous marriages.
9. The ethnic entrepreneurship, when the ethnicity is an article of trade, is developed in the many regions of Russia, as well as the other countries, especially the European ones. The ethnic entrepreneur is a person, who derives the financial (social, political) benefit from representation of the interests of the ethnic group.
10. Osipov, AG 2004, *The national-cultural autonomy. Ideas, solutions, institutions*, St. Petersburg.